

Лит. Россия. - 1988. - 30 сент. (№39). - с. 11

П

ЕРВОЕ туманное упоминание о нем: острая на язык тетушка пересказывает при мне забавную историю, слышанную от знакомой:

— Явился, про ее родных расспрашивал. Она ему — этак великосветски: «Вот это фотография, кажется, бабушки... Впрочем, не помню точно». А он: «Ах, как все это интересно!»

Мы, подростки, слушаем и тоже пошмеиваемся, представляя себе кого-то наподобие чудаковатого жюль-верновского Паганеля.

И вдруг — насколько помнится, в «Пионере» — «Загадка Н. Ф. И.» как разгадка этого странного визита, оказывающегося звеном целой цепи догадок, поисков, неутомимых разъездов и просто беготни по разным адресам — в погоне за уже почти истаявшими крупинками воспоминаний о дотоле неизвестных подробностях жизни Лермонтова, за той самой, говоря словами Блока, «пылинкой дальних стран», в которой под пытливым взглядом исследователя оживает и заиграет всеми красками прошлое, словно покоряясь страстному призыву: Восстановись, мгновенье!

То был один явившийся на пороге нашей юности лик Андроникова.

А в первые же послевоенные месяцы в квартире замечательного лингвиста Г. О. Винокура то и дело слышу в восторженных рассказах — особенно от молодого поколения — фамильярное: «Иракий рассказывал... Иракий показывал...» — и радости-то, смеху-то!

Уже не Паганель, Кола Брюньон какой-то вырисовывается.

И когда наконец не то на «среде», не то на «четверге» (уж и не упомяну за давностью лет) в редакции «Комсомолки» увидел его вживе, это представление только укрепило. Просидев со стульев валилась аудитория от устных андрониковских рассказов, и сам он, только что «выйдя из образа» знаменитого музыковеда Соллертинского — да и своего собственного (молодой перепуганный деботант-лектор!), — вместе с нами хохотал над «делами давних дней», а потом снова обертывался то Фадеевым, то Алексеем Толстым, то Виктором Шкловским...

Еще не были написаны знаменитые пастернаковские строчки: «Цель творчества — самоотдача...», но иначе как самоотдачей трудно обозначить ту щедрость, с которой рассыпал Иракий Луарсабович свои многолетние наблюдения и воспоминания, не скупясь то на сочные комические мазки, то на мягкие улыбочивые штрихи. Целый фейерверк красок, сопровождавшийся — в промежутках — громоподобным «салютом» хохота самого рассказчика!

Неужели это было сорок с лишним лет назад?!

Какая же творческая неиссякаемость живет в этом человеке!

Вспомнить только, что он «взял старт» еще в «старом» Ленинграде и встал «поварился» в его удивительной, еще не начавшей горестно выцветать атмосфере конца 20-х — начала 30-х годов — брал уроки «лермонтоведения» у незабвенного Бориса Михайловича Эйхенбаума, а «студию смеха» проходил в весело колоритивших умом и талантом редакциях детских журналов «Еж» и «Чиж» вместе с Евгением Шварцем, Николаем Олейниковым и тезкой последнего — столь серьезным с виду Заболоцким!

И вот, как некий литературный марafoneц, сохранил ровное дыхание и «темп» до времен телевидения, оказавшись на редкость под стать этой «новинке» — как будто именно ее и дожидался!

Разумеется, он и без ТВ не увял бы и искрился во всем, за что ни взялся. Помню, как своеобразно прозвучала андрониковская «реплика» на чопорно-чинном гоголевском юбилее 1952 года, когда классик, с одной стороны, был, наравне со Щедриным, милостиво признан «нужным», а с другой... все же лучше бы не совал свой длинный и острый нос в дела потомков, а просто выпрямил бы свой согбенный стан и стал «во фронт», как и подобает обласканному «свыше» писателю: рад, мол, стараться!

И вот уже доживает свои последние годочки на старом месте прекрас-

ный драматический памятник, созданный скульптором Андреевым, и ладится другой, и наспех шьется — слава богу, не «дело», а целая книга о юбилее по новой выкройке...

Меж тем Андроников вдруг становится скромным «крохобором» и корпит всего над одной, первой страницей «Мертвых душ», восхищаясь сам и заставляя читателей своей статьи в «Литературной газете» восхищаться тем, как в этой капле ослепительно сияет солнце гоголевского гения во всей своей подлинности и не «затянутости» никакими облаками.

А Андроников — комментатор знаменитой «Тагильской находки»? Да мало ли...

Но, конечно, телевидение тоже было для него истинной находкой, не просто умножившей число «потребителей» его многообразного творчества, но полностью раскрывшей ту счастливую особенность андрониковского таланта, которую одна из первых проницательных исследователей нового искусства Владимир Саппак определял как «дар свободного самовыявления перед аудиторией».

К 80-летию со дня рождения

ЛИКИ АНДРОНИКОВА

Я бы рискнул сказать и о другом; ведь еще неизвестно, кто кому нужнее; телевидение — Андроникову или же он — телевидению!

При появлении ТВ все радостно приветствовали его как новый мощный родник культуры. Помилуйте, если раньше, чтобы увидеть спектакль Малого или Художественного театров, надо было в Москву ехать, ныне он, как по щучьему велению, является к вам «на дом»!

Раньше даже для завзятых, страстных меломанов, если только они сами не музыканты, концерт — не столь уж частое трепетное свидание с любимым искусством. Теперь же стоит

лишь лениво шелкнуть выключателем, чтобы теледидин послушно развернул перед вами музыкальную скатерть-самобранку.

И вот... — сказать ли?! — уже не живительным, утоляющим жажду родником кажется мне сейчас порой телевизор, а прохудившимся, вечно текущим краном, откуда безостановочно хлещут музыкальные струи, которые воспринимаются с ленивой, безразличной сытостью и равнодушием; за моцартовским «Реквиемом» хоккей объявлен, не пропустить бы, пусть уж себе тренькают... Преувеличение, скажете? Но вот несколько лет назад передачу о прекрасном и трагическом стихотворении Твардовского «В тот день, когда окончилась война» преспокойно запланировали было в перерыве между двумя актами... оперетты!

Боюсь, что к музыке, к искусству вообще у части телезрителей складывается столь же безразличное в сущности отношение, как к хлебу, изобилие и дешевизна которого породили явное и горестное пренебрежение к нему. Брошенная наземь горбушка и не слушаемая, но покорно текущая с «голубого экрана» или из приемника музыка — явления одного порядка.

Иракий Андроников же — из тех, кто всей своей деятельностью противоборствует этому грозно нарастающему духовному иждивенчеству и бездумному потребительству. Причем делает он это не расклеванными саванароловскими обличениями или занудными нотациями, а ненавязчиво-настоятельным многолетним приобщением зрителя и слушателя к тому культурному миру, в котором обитает сам, а если выразиться чуть высокопарнее, к насыщенной, богатой духовной жизни.

Он вспоминал в одной статье, как десятки лет назад по дороге из Ленинграда в Москву они вместе со знаменитым пушкинистом М. А. Цявловским ночью напролет говорили о поэте, понижая голоса после очередного увещевания своей спутницы, что могут помешать соседу. И вот в пятом часу утра тот, свесившись полки, виновато попросил говорить... погромче: ему так интересно!

Мне кажется, то был предтеча многих нынешних андрониковских слушателей, которых рассказчик завораживающе заставляет приглядеться к тому, мимо чего их так часто влечет обыденная суета, и в которых воспитывает уважение к культуре, к ее носителям — да не только к великанам, но и к «малым сим» (кто когда с полным сознанием совершаемого, а кто почти инстинктивно), сберегает ее священный огонь, бережно сохраняя память об ушедшем и ушедших, — какой-нибудь «казистый девичий альбомчик, этакий «цветок засохший, безуханный», где вдруг открывается нам, как выразился в одном подобном случае Иракий Луарсабович, «капиллярный ход» — к Пушкину ли, к Лермонтову, а то и к вовсе забытой фигуре, чье творчество, однако, тоже ведь скромный «лепесток» народной жизни и судьбы.

И сколько бы ни длился андрониковский телевизионный монолог, слушаешь, слушаешь этот «фонтан любви, фонтан живой» нестарющей любви ко всему, что досталось нам в наследство от пращуров и недавних наших современников, — и сам, заражаясь этой искрометной импровизационной игрой, готов «передарить», «переадресовать» Иракию Луарсабовичу давние прекрасные строки:

*Ах, лейся, лейся, ключ оградный!
Журчи, журчи свою мне биль...*

Андрей ТУРКОВ